Международные процессы, Том 16, № 2, сс. 73–90
DOI 10.17994/IT.2018.16.2.53.5

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЗМЫ
Обзоры зарубежных публикаций

ОТ ГРАЖДАНСКОЙ И НОРМАТИВНОЙ СИЛЫ К СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ?
*ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙНЫХ ОСНОВ ВНЕШНЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕС**

ТАТЬЯНА РОМАНОВА
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ЕЛЕНА ПАВЛОВА
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Университет Тарту, Тарту, Эстония

Резюме

Опубликованная в 2016 г. Глобальная стратегия Европейского Союза (ЕС) зафиксировала в его внешней деятельности концепцию стрессоустойчивости (resilience). Цель статьи – выявить взаимосвязь новой категории с понятиями гражданской (мягкой) и нормативной силы, ключевыми концепциями внешней политики ЕС прежних лет. Сравнение проводится по трём аспектам: исторический контекст появления и использования, роль ценностей и интересов, а также соотнесение внутренних и внешних для ЕС процессов в артикуляции и реализации концепций. Концепции гражданской и нормативной силы возникли как осмысление опыта деятельности Европейского экономического сообщества / ЕС на пике их развития и использовались главным образом в научных публикациях. ЕС заимствовал категорию стрессоустойчивости в кризисный период из международной практики, но подверг эту концепцию существенной перекодировке. В интерпретации ЕС эта категория призвана примирить ценностное измерение, сформулированное в прошлом, и прагматические интересы сегодняшнего дня. Более конкретно: связующим звеном становятся «прагматизм, основанный на принципах» и определение ценностей как интересов. Существенное внимание уделяется угрозам. Трансформируются и инструменты распространения ценностей: на партнёров Брюсселя возлагается бóльшая ответственность, процесс технократизируется, приоритет отдаётся диалогу интеграционного объединения с гражданским обществом третьих стран. В этой связи авторы предлагают определить стрессоустойчивость в риторике и практике ЕС как обороняющуюся нормативную силу. Наконец, она, как и концепции гражданской силы и нормативной силы, используется как точка сборки внутренних процессов в ЕС и его внешней деятельности. В то же время стрессоустойчивость контекстуальна. Процесс распространения норм односторонен, включение партнёров в нормативное ядро не планируется. ЕС предполагает для них трансформацию, но для себя – стабилизацию, сохранение уже достигнутого, а не дальнейшее переосмысление норм. Описанная трактовка стрессоустойчивости противоречит логике нормативной силы, но позволяет сравнить стрессоустойчивость с гражданской (мягкой) силой.

Ключевые слова:

нормативная сила; гражданская сила; мягкая сила; стрессоустойчивость; Европейский Союз; Глобальная стратегия ЕС.

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01110).

Для связи с авторами /Corresponding author:
Email: t.romanova@spbu.ru

В 2016 г. Европейский Союз (ЕС) опубликовал Глобальную стратегию (ГСЕС)[1], пришедшую на смену Европейской стратегии безопасности 2003 года[2]. Новый документ зафиксировал появление во внешней деятельности интеграционного объединения новой категории «стрессоустойчивость» (resilience)[3]. Она используется в ГСЕС[4] более 40 раз, что демонстрирует её центральное место в стратегическом планировании Брюсселя. О важности стрессоустойчивости говорит в своей книге и главный автор нового документа, Н. Точчи [Tocci 2017]. В 2017 г. Европейская комиссия и аппарат Верховного представителя ЕС по иностранным делам подготовили Сообщение, которое разъясняет сущность концепции[5]. Ни одно другое понятие ГСЕС (да и внешней деятельности ЕС в целом за весь период его существования) не получала столь развёрнутого объяснения. Доклад о первом годе реализации стратегии[6] также демонстрирует важность стрессоустойчивости для интеграционного объединения. Наконец, Институт стратегических исследований ЕС опубликовал специальную работу, посвящённую этой концепции [Gaub, Popescu 2017], разъясняя её региональные и секторальные проявления во внешней деятельности Брюсселя.

Растёт интерес к стрессоустойчивости ЕС и в академических работах, которые появились уже после выхода ГСЕС [Juncos 2016; Tocci 2017; Wagner, Anholt 2016; Романова 2017]. Они анализируют формирующийся на основе этой категории дискурс в документах интеграционного объединения, исторические аспекты её возникновения, показывают сходства и отличия использования концепции стрессоустойчивости в ЕС и её понимание в современных общественных науках [Chandler, Coaffee 2017], прогнозируют последствия её практического применения во внешней деятельности Брюсселя, её преимущества и недостатки.

В данной статье мы намерены выявить взаимоотношения между двумя ключевыми понятиями внешней политики Европейского Союза прежних лет (гражданской и нормативной силы) и активно внедряемой концепцией стрессоустойчивости. В ней также будет рассмотрена и категория «мягкая сила», так как термин «гражданская сила» появился до трудов Дж. Ная [Най 2006], а впоследствии представлялся в качестве её региональной модификации. Более того, как будет отмечено ниже, теоретическая разработка концепта гражданской силы оставалась ограниченной: эту функцию выполняли исследования мягкой силы. В этой связи в академических дебатах по внешней деятельности ЕС время от времени использовалась последняя категория. Наконец, признавая существование некоторых альтернативных понятийных конструктов (постсовременная сила [Cooper 2003], этическая сила [Aggestam 2008], нормативная империя [Laidi 2007], нормативная гегемония [Diez

[1] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union. Brussels, June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf

[2] A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. European Union. Brussels, 12 December 2003. URL: http://europa.eu/globalstrategy/en/european-security-strategy-secure-europe-better-world

[3] Перевод слова «resilience» на русский язык в социальных науках пока не устоялся. Вариант «стрессоустойчивость» позволяет отойти от трактовки, принятой в физике, и от излишней биологичности, а также акцентирует возможности и стабильности, и адаптации системы под влиянием внешних воздействий (см. подробнее: [Романова 2017]).

[4] Включая введение и резюме.

[5] Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action. European Commission and European External Action Service. Brussels, 7 June 2017. JOIN(2017) 21 final. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf

[6] From Shared Vision to Common Action: Implementing the EU Global Strategy. Year 1. European Union. Brussels, June 2017. URL: europa.eu/globalstrategy/fr/file/822/download?token=_IjjX9aU

2011; Haukkala 2008]), мы оставляем их за рамками нынешней статьи по причине малого распространения и отсутствия в официальном дискурсе интеграционного объединения.

В результате настоящая статья не только попробует пролить свет на эволюцию внешнеполитической мысли ЕС, но и «схватит» ключевые характеристики новой концепции. Для достижения цели мы сначала опишем исторические аспекты её появления, затем рассмотрим ценностное значение и, наконец, в заключение остановимся на соотнесении внутреннего и внешнего для Брюсселя в её реализации.

1

Первая попытка сформулировать концептуальные основы внешней деятельности Европейских сообществ была предпринята в 1973 году, когда Ф. Дюшен (советник Ж. Монне) предложил концепцию гражданской силы [Duchene 1972; 1973]. Суть её состояла в том, что, не имея военного потенциала, используя главным образом торговые инструменты, интеграционное объединение может распространять своё мировидение, сформулированное в Декларации о политической идентичности[7]. Ф. Дюшен выделял два компонента гражданской силы: невоенные инструменты и нормативные цели. Предложенная им концепция опиралась на практику Европейских сообществ, но стимулировала дискуссии в исследовательской среде. Сомнения вызывали как возможность говорить о силе международного игрока, когда у него отсутствовал военный потенциал [Bull 1983], так и моральная сторона вопроса. В частности, Й. Галтунг, предлагая сходную концепцию структурной силы в качестве возможного инструмента повышения влияния интеграционного объединения в мировой политике, характеризовал взаимодействие с «третьим миром» как доминирование и империализм [Galtung 1973]. Между тем Ф. Дюшен ни в одной из своих широко цитируемых статей не представил развёрнутого обоснования категории «гражданская сила», описав её лишь в самых общих чертах [Orbie 2006]. Вклад в её дальнейшее теоретическое осмысление внес М. Тело [Telò 2007], чьи работы во многом опирались на концепцию мягкой силы, предложенную американским специалистом Дж. Наем и стимулировавшую обширные экспертные и политические дискуссии. Они сформировали теоретическую базу и для переосмысления феномена гражданской силы, что также стимулировало дебаты о возможностях для ЕС, не обладающего военным потенциалом, воздействовать на своих партнёров путём экономического и культурного влияния и убеждения [Hill 2010; Matlary 2006; Michalski 2005; Nielsen 2013; Nielsen and Vilson 2014; Rostoks 2015; Tulmets 2007].

Эта концепция оставалась не только предметом теоретических дискуссий последователей Ф. Дюшена и М. Тело, но и несколько раз использовалась в выступлениях официальных представителей Брюсселя. Например, председатель Европейской комиссии Р. Проди в 2000 г. говорил, что ЕС намерен «стать глобальной гражданской силой на службе глобального развития»[8]. Тем не менее документов, разъясняющих эту категорию, не появлялось. Периодически она применялась не только в отношении интеграционного объединения, но и таких стран, как Германия и Япония, для отражения специфики их влияния в мире, основанной не на военном потенциале, а на экономических возможностях и привлекательности модели развития [Harnisch, Maull 2001; Maull 1990–1991]. Присутствуют и случаи использования понятия «мягкая власть» в официаль-

[7] Declaration on European Identity. The Copenhagen Summit Conference. 14-15 December 1973. EC Bulletin, 1973 No 12. URL: http://ec.europa.eu/dorie/fileDownload.do;jsessionid=1KGyQ1tKtTpNjBQwQh6cwgC2yLn7BJMymvTrDq5s2rD3JYR9RfGQ!243197488?docId=203013&cardId=203013

[8] *Prodi R.* Speech at the European Parliament, 15.2.2000. URL: http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/00/41&format=HTML&a ged=1&language=EN&guiLanguage=en

ных документах ЕС, но они носят единичный характер[9].

Концепция нормативной силы появилась в начале XXI в. в статье И. Маннерса, которая сразу представила её в уже достаточно разработанном виде [Manners 2002]. В отличие от понятия гражданской силы новая категория фокусировалась на ценностях, которые ЕС не просто выработал для себя, но и способен распространять по миру, опираясь на собственный пример. Тем самым интеграционное объединение определял «понятие "нормального" в мировой политике» [Manners 2002: 236]. Именно это составляло новизну категории, предложенной И. Маннерсом. Важным аспектом нормативной силы стала неинструментальность – невозможность рационально использовать её для достижения каких бы то ни было внешнеполитических целей, а также долгосрочное включение реципиентов в нормативное ядро [Павлова, Романова 2017].

Предложенная концепция вызвала жаркие дискуссии в академической среде, в ходе которых оспаривались и её теоретические основания [Игумнова 2017; De Zutter 2010; Diez 2013; Hyde-Price 2006; Merlingen 2007; Sjursen 2006; Whitman 2011], и то, насколько практика ЕС соответствовала описанной И. Маннерсом логике [Balducci 2010; Bicchi 2006; Casier 2013; Harpaz, Shamis 2010; Haukkala 2008; Laidi 2007; Langan 2012]. Официальные представители интеграционного объединения термин «нормативная сила» употребляли редко. Одно из исключений – замечание председателя Европейской комиссии Ж. Баррозу, что ЕС – «одна из самых важных, если не самая важная, нормативная сила в мире... Нет никакого другого случая ... где США, или Китай, или Россия имели бы столько стран, следующих их путём»[10].

В то же время концепция нормативной силы (как ранее и идея гражданской силы) появилась именно на основе осмысления опыта европейского интеграционного объединения. В 1990-х годах ЕС постепенно включал всё новые ценностные мотивы в свою внешнюю деятельность, подчёркивая, что они составляют основу его решений при выстраивании диалога с партнёрами в мире. Этому способствовали активное углубление интеграции, сохраняющийся высокий спрос на вступление в объединение его соседей, а также широкое признание мирового либерального порядка как конечной точки исторического развития. В результате ценностные основания политики были зафиксированы и подробно раскрыты в ст. 21 Договора о ЕС. Внедрение концепции нормативной силы приходилось на период успехов европейской интеграции и стабильности в международной системе. Она дополняла концепцию гражданской (мягкой) силы, сосуществуя и отчасти конкурируя с ней на протяжении 2000-х годов [Павлова, Романова 2017].

Концепция стрессоустойчивости появилась в документах ЕС в 2012 г. в результате переосмысления политики содействия развитию и проблем продовольственного обеспечения беднейших стран мира. В Сообщении Европейской комиссии, опубликованном в том году, стрессоустойчивость была определена как «способность индивида, домашнего хозяйства, сообщества, страны или региона противостоять стрессам и шокам, адаптироваться к ним и быстро восстанавливаться после них»[11].

[9] *Rehn O.* The EU's soft power and the changing face of world politics, Helsinki, 20.04 2007. URL: europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-07-245_en.pdf

[10] *Barroso J.M.* José Manuel Barroso = Political Scientist. John Peterson interviews the European Commission President. Complete Transcript. EU CONSENT – Constructing European Network, 17 July 2007. URL: www.eu-consent.net/library/BARROSO-transcript.pdf

[11] Communication from the Commission to the European Parliament and the Council The EU Approach to Resilience: Learning from Food Security Crises. European Commission. Brussels, 3 October. COM(2012) 586 final. URL: http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2012/EN/1-2012-586-EN-F1-1.Pdf

Именно это понимание впоследствии было положено в основу политики содействия развитию интеграционного объединения, а после этого распространено и на ГСЕС. Последний документ при этом говорил о стрессоустойчивости демократии ЕС, стран-соседей, а также других партнёров в мире, но также подчёркивал важность способности к изменениям.

Термин отражал результат компромисса между различными авторами стратегии: теми, которые занимались вопросами содействия развитию (и ставили во главу угла постепенную трансформацию, адаптацию к внешней среде), и теми, кто работал преимущественно над проблематикой безопасности (и акцентировал стабильность, возвращение к исходному состоянию). Как писала Н. Точчи, главный координатор работы над ГСЕС, одна из причин выбора понятия «стрессоустойчивость» состояла как раз в том, что оно использовалось в обеих сферах. Но даже она признавала, что этот термин имеет разное значение в каждой из них [Tocci 2017: 70]. Наконец, в 2017 г. ЕС опубликовал Сообщение, в котором категория «стрессоустойчивость» была дополнительно разъяснена. В частности, отмечалось, что она затрагивает и индивидов, и общины, и общества, и государства, а также охватывает различные вопросы: от качества институтов и демократии до охраны окружающей среды и стабильного экономического развития.

В описанных выше документах интеграционного объединения уже проявилось первое отличие стрессоустойчивости от концепций нормативной, гражданской и мягкой силы. Последние употреблялись без официального обоснования и интерпретации ЕС, за них говорили его экономическая мощь, а также активная артикуляция ценностей во внутренней и внешней политике. Концепция же стрессоустойчивости уже в первые годы потребовала разъяснений как в части смысловой нагрузки, так и в части действий, которые она повлечёт со стороны Брюсселя и его партнёров.

Второе важное отличие концепций гражданской и нормативной силы, с одной стороны, и категории стрессоустойчивости – с другой, состоит в том, что первые две были разработаны теоретиками на основе опыта ЕС. В этой связи для обеих Европейское экономическое сообщество (позже Европейский Союз) – единственный пример их практического воплощения[12]. «Стрессоустойчивость» как аналитическая категория сложилась вне европейского контекста (что делает её похожей на концепцию «мягкая сила») и имеет длительную историю.

Первое употребление этого понятия (как способности возвращаться в исходное состояние) датируют XVI веком [Rogers 2017: 14; см. также: Bourbeau 2018]. В экологические исследования термин вошёл после работы К. Хоуллинга, в которой стрессоустойчивость определялась как «мера устойчивости систем, а также их способность абсорбировать изменение и раздражения и поддерживать такое же соотношение популяций или переменных [их] состояний» [Holling 1973: 14]. Тогда же стрессоустойчивость как способность адаптироваться после различных шоков попала в психологию. Между тем в начале XXI в. категория стрессоустойчивости постепенно проникла в растущее число областей общественной жизни. Предпосылкой тому послужили изменения концепции гражданской защиты в Великобритании [Rogers 2017], выразившиеся в повышении ответственности общества и индивидов, в акценте не на нейтрализации угроз, а на способности социальной системы трансформироваться и сохранять свои основные функции в условиях непредсказуемости. Постепенно стрессоустойчивость стала элементом дискурса различных международных организаций, в первую очередь представителей системы ООН.

[12] Хотя, как уже отмечалось, концепция гражданской силы применялась позднее к Германии и Японии.

Таким образом, впервые концептуальная схема, положенная в основу внешней деятельности ЕС, не формировалась непосредственно для описания специфической политики объединения, а импортировалась как уже существующая категория. Более того, она имела разнообразные значения: это и стабильность, и способность к трансформации и адаптации. Кроме того, охватывала она как ресурсы, так и техники управления ими. Специальные разъяснения понимания терминологии требовались именно потому, что ЕС заимствует категорию, использует её в официальной риторике, пытается приспособить к своим реалиям, артикулирует её отлично от тех концептуальных наработок, которые сложились в результате осмысления англосаксонских практик [Chandler, Coaffee 2017].

Наконец, третье важное отличие в становлении концепции «стрессоустойчивости» в ЕС от категорий гражданской и нормативной силы состоит в том, что они появлялись на разных стадиях развития европейской интеграции. Представления об объединении как о гражданской силе были артикулированы в период замедления европейской интеграции (так называемого евросклероза), но тогда, когда присутствие Брюсселя в мировой торговле становилось всё более заметным, а экономические контакты с ним всё больше ценились партнёрами. Обсуждения возможностей и ограничений нормативной силы проходили в период интенсификации интеграционного процесса, его углубления и расширения, экспансии ЕС в мире. Символично, что первая стратегия безопасности группировки, подготовленная в 2003 году, открывалась констатацией: «Никогда ранее Европа не была столь процветающей, столь безопасной и столь свободной... Создание Европейского Союза было центральным для этого развития. Оно трансформировало отношения между государствами, а также жизни граждан»[13]. В этом тексте звучал оптимизм относительно будущего и уверенность во внутренней стабильности и лидирующих позициях в мире.

Концепция «стрессоустойчивости» возникла на фоне возрастания трудностей, стоящих перед интеграционным проектом, роста опасений относительно экзистенциальных вызовов, обусловленных проблемами в экономике и валютном союзе, притока беженцев и отсутствия солидарной ответственности в ЕС, центробежных тенденций (в том числе объявления о выходе Британии из объединения, роста евроскептицизма) и дисбалансов внутреннего развития. Не миновали проблемы и внешние связи Брюсселя: его всё больше упрекали в неспособности отвечать на вызовы современного мира (в том числе такие, как терроризм, кибернападения), в малой результативности международных усилий, в разрыве между ценностной риторикой и практикой деятельности. В предисловии к книге Н. Точчи Верховный представитель по внешней политике и комиссар по внешним связям ЕС Ф. Могерини вспоминает, как после голосования Великобритании о выходе из Европейского Союза спешно принималось решение о публикации ГСЕС, которая воспринималась как инструмент прорыва атмосферы «неизвестности» [Tocci 2017: vii]. Сама стратегия начиналась с утверждения «Мы нуждаемся в более сильной Европе... Мы живём во время экзистенциального кризиса, внутри ЕС и за его пределами...». После этого приводился список проблем: от экономики и демографии до терроризма и разрушения европейской системы безопасности[14]. Более того, в восприятии авторов ГСЕС сам мировой кон-

[13] A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. European Union. Brussels, 12 December 2003. URL: http://europa.eu/globalstrategy/en/european-security-strategy-secure-europe-better-world

[14] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union. Brussels, June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf

сенсус относительно либерального порядка оказался под вопросом [Tocci 2017: 61–63]. Таким образом, концепция «стрессоустойчивости» оказалась востребованной в кризисный период, что обусловило некоторое снижение амбиций Брюсселя [Malksoo 2016], а также отказ от применения концепций гражданской (мягкой) и нормативной силы.

2

В книге, посвящённой разработке ГСЕС, Н. Точчи вспоминает, что одной из причин выбора категории «стрессоустойчивость» выступала возможность с её помощью акцентировать сдержанность внешней деятельности Брюсселя на новом этапе [Tocci 2017: 70] или в терминах самой стратегии – на «прагматизм, основанный на принципах» («бескомпромиссный прагматизм», как предложил его называть отечественный исследователь [Данилов 2017]). Отличие стрессоустойчивости от нормативной силы, подчёркиваемое авторами документа, заключалось в попытке интеграционного объединения осмыслить возможности экспорта своих ценностей в страны-партнёры более реалистично. Это, однако, не означало ориентацию только на абстрактные или узко понимаемые интересы.

Стратегия прямо заявляла о намерении ЕС поддерживать «глобальный порядок, основанный на ценностях», его приверженность «международному праву, гарантирующему права человека, устойчивое развитие и долгосрочный доступ к глобальным общим благам»[15]. В этом читается явная преемственность стрессоустойчивости в отношении прежних концепций, объяснявших логику поведения Брюсселя. Однако «мир и безопасность, процветание, демократия и глобальный порядок, основанный на нормах» были определены как «жизненные интересы ЕС, лежащие в основе внешних действий»[16]. Подобная трактовка демонстрирует отсутствие часто постулируемого экспертами разрыва между ценностями и интересами [Haukkala 2007; Schuette 2004; Данилов 2006; Шмелёв, Фёдоров 2012]. Первые лежат в основе вторых, так как целеполагание не может существовать без нормативной опоры. В этой связи противопоставление интересов и ценностей не имеет смысла[17].

Согласно стратегии, Евросоюз, «ведомый чёткими принципами», предполагал действовать «в той же мере на основе реалистичной оценки нынешней стратегической среды, в какой и на основе идеалистичных надежд продвигаться к лучшему миру»[18]. Это и есть суть прагматизма, основанного на принципах. Между тем сам по себе такой подход не нов. Он исходит из того, что для успешного распространения идеалов демократии, прав человека, верховенства закона надо создать необходимую «поддерживающую конфигурацию силы и интересов» в странах-реципиентах [Snyder, Vinjamuri 2012: 438]. В этом отношении стрессоустойчивость можно трактовать как ликвидацию противоречия, которое ранее диагностировалось между различными государствами–членами ЕС: теми, кто ориентировался на распространение ценностей любыми способами, и теми, кто на первый план выдвигал практическое сотрудничество, потенциально содействующее социализации и постепенному изменению партнёров интеграционного объе-

[15] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union. Brussels, June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf

[16] Ibid.

[17] Это не означает отсутствие соперничества между нормами и того, что в некоторых случаях ЕС может действовать, исходя из индивидуально понимаемой пользы, а не продвижения демократии и прав человека.

[18] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union. Brussels, June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf

динения в соответствии с принятыми в последнем нормами [Романова, Павлова 2013; Leonardo, Popescu 2007].

При таком прочтении прагматизм, основанный на принципах, также перекликался с идеей, высказываемой рядом авторов, о постепенной эволюции от либерализма, предполагающего радикализм в распространении универсальных ценностей, к неолиберализму, акцентирующему важность национальной специфики, культурного контекста и их уважения. В ЕС эта трансформация остановилась на полпути, поскольку само использование категории «стрессоустойчивость» группировкой существенно отличается от имеющихся в литературе теоретических разработок по этой теме.

Современное прочтение термина в контексте проблематики международного развития предполагает участие граждан и локальных сообществ, делегирование ответственности индивидам, которые могут стихийно самоорганизовываться, способность жить в рисковой ситуации и в условиях непредсказуемости. Стрессоустойчивость в академической литературе не предполагает прямой связи с идеями демократии, прав человека или другими декларируемыми ценностями ЕС [Chandler, Coaffee 2017; Joseph, Juncos 2017]. Она рассматривается как свойство, которым в равной степени может обладать и демократическая, и тоталитарная системы. На этом фоне новая концепция ЕС по сути продолжила те (либеральные) традиции, которые были заложены концепциями гражданской и нормативной силы. Её задача состояла в том, чтобы защитить и отстоять уже сформулированные Брюсселем ценности – следовательно, её можно обозначить как *обороняющуюся нормативную силу* «единой Европы», где стрессоустойчивость проявляется как категория дискурсивной практики, а не характеристика системы. Отметим, что эпитет «обороняющаяся» в данном случае определяет не ЕС, а блок заявленных ценностей, по-прежнему ориентированных вовне, но предполагающих меньшие усилия интеграционного объединения. Такая модификация позволила Брюсселю оставаться нормативной силой, хотя и в более скромных масштабах.

Не случайно авторы ГСЕС уделяли значительное место тому, чтобы соединить стрессоустойчивость с демократизацией, утверждая неразрывную взаимозависимость двух категорий. Стратегия, в частности, отмечала, что «стрессоустойчивое общество, демонстрирующее демократию, веру в институты ... лежит в основе стрессоустойчивого государства»[19]. Кроме того, ГСЕС связывала нормативную силу и стрессоустойчивость за счёт акцентирования способности партнёров интеграционного объединения изменяться (прежде всего за счёт восприятия тех норм, которые Брюссель считает основополагающими), а не возвращаться в исходное состояние (см. также: [Данилов 2017; Романова 2017]).

Описанный выше контекст подготовки ГСЕС обусловил необходимость уделить внимание непосредственным вызовам. В документе перечислялись проблемы терроризма, гибридных угроз, климатических изменений, экономической нестабильности, энергетической небезопасности, стремления отдельных держав «бросить вызов европейским ценностям и европейскому образу жизни» политикой угроз[20]. В этой связи центральной задачей становилось обеспечение воспроизводства базовых ценностей объединения, их защиты и распространения в небезопасной среде. При этом ЕС – в отличие от принятых подходов к стрессоустойчивости – акцентировал именно угрозы, а не развитие, не разработку ресурсов, не способность жить в условиях риска и соответствующие техники управления.

[19] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union. Brussels, June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf

[20] Ibid.

Исследователи отмечают, что введённая концепция стала компромиссом «между слишком амбициозным либеральным строительством мира и недостаточно амбициозной стабильностью» [Wagner, Anholt 2016: 4]. По мнению некоторых специалистов, ЕС почти умышленно стимулирует трансформацию партнёров под прикрытием риторики о стрессоустойчивости [Juncos 2017: 13]. Уместно также процитировать и саму Стратегию, говорящую об «определении пути между Сциллой изоляционизма и Харибдой поспешной интервенции», требующего от Брюсселя «ответственности к другим и чувствительности к непредвиденным обстоятельствам»[21]. Наконец, сохранялся и акцент на привлекательности интеграционного объединения как стимуле для изменений во внешней среде: ГСЕС прямо говорила, что «наша стойкая сила притяжения может запускать трансформации»[22]. Здесь тоже прослеживалась преемственность с концепцией нормативной силы в её классическом понимании. При этом очевиден и акцент на длительности процесса трансформации [Manners 2002].

Таким образом, идеи либеральной нормативной силы и её цели в новом подходе интеграционного объединения полностью сохранены. Речь не идёт о ресурсах противодействия угрозам, характерных для разных партнёров ЕС. Скорее обосновывается правильность демократического видения стрессоустойчивости Брюсселя. Между тем сама стрессоустойчивость становится «средством, а не конечной целью»[23], не характеристикой системы.

Важнейшим отличием новой категории, положенной в основу деятельности ЕС, от концепции нормативной силы, однако, стали методы распространения собственных ценностей. Как минимум, три аспекта заслуживают внимания в этой связи. *Во-первых*, она предполагает перенос ответственности за результат этого процесса на общества и граждан стран-партнёров. Фокусируя внимание на их способности к стрессоустойчивости, ЕС перекладывал и бремя трансформации, и ответственность за провалы в ней, оставляя при этом за собой право определять стандарты демократизации, судить о корректности направления происходящих изменений и скорости прогресса. Это явление не новое, оно хорошо известно из исследований проблематики стрессоустойчивости и её поощрения в развивающихся странах [Chandler 2013; Joseph 2013; 2016]. Нередко передача ответственности осуществляется без дополнения её необходимыми ресурсами и возможностями [Joseph 2013]. «Ролью ЕС при этом становится ... менторство и партнёрство, позволяющее отойти от дискурса “внешнего вмешательства”» [Juncos 2016: 8].

Во-вторых, процесс стимулирования стрессоустойчивости партнёров со стороны ЕС становится более технократичным. В то время как концепция нормативной силы оставалась декларативной, новый подход (как он был заявлен в официальных документах) предполагал интеграцию соответствующих положений в различные – хорошо прописанные[24] – сферы сотрудничества, а также повышение роли диалога по этой проблематике внутри интеграционного объединения между государствами-членами и Европейской службой по внешним связям. Он также был ориентирован на интенсификацию координации между ЕС и международными

[21] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union. Brussels, June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf

[22] Ibid.

[23] Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action. European Commission and European External Action Service. Brussels, 7 June 2017. JOIN(2017) 21 final. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf

[24] Ibid.

институтами (как организации системы ООН, так и НАТО). Некоторые исследователи характеризуют этот подход как технократическую интервенцию, «которая будет генерировать меньшую оппозицию соседних великих держав» [Juncos 2016: 12]. При этом потенциальная результативность стимулирования стрессоустойчивости извне остаётся спорной, поскольку используемая категория описывает внутреннее качество системы, а ЕС остаётся внешней силой для стран-партнёров.

В-третьих, концепция стрессоустойчивости переносит тяжесть сотрудничества на гражданские общества, то есть акцентирует подход «снизу вверх». Если ранее основное внимание уделялось именно диалогу с правительствами, поощрению ценностей через него, то теперь в документах ЕС равное внимание стало уделяться взаимодействию с государствами, общественными институтами и индивидами. Эти изменения вызревали постепенно, официальный диалог дополнялся контактами с гражданским обществом, о чём свидетельствуют и стратегические документы по различным странам-партнёрам интеграционного объединениями. Концепция стрессоустойчивости формализовала такую переоценку. ГСЕС чётко постулировала намерение установить взаимодействие с «культурными организациями, религиозными общинами, социальными партнёрами и защитниками прав человека, и высказываться против уменьшения пространства для гражданского общества, включая нарушение права на свободу слова и ассоциаций»[25]. В сущности, цель преследуется та же: Брюссель пытается призвать правительства стран-партнёров к более ответственному поведению, к демократизации, но не путём международного диалога, а через «производство» неолиберальных граждан, которые смогут дисциплинировать [Joseph 2013: 47] свои правительства.

3

Понятие гражданской силы акцентировало важность распространения в мире сложившихся в Европейском экономическом сообществе ценностей, объединяющих его членов, выступающих основой их внешнеполитических и торговых решений. Более поздняя концепция нормативной силы в качестве отправной точки брала уникальный опыт ЕС, его способность преодолевать конфликты, создать систему управления, способствующую росту благосостояния граждан, а также гарантировать демократию и права человека [Manners 2002]. При этом сущность нормативной силы заключалась в способности интеграционного объединения выступать в качестве привлекательной модели для третьих стран. Её базовое отличие от более ранних представлений о гражданской (мягкой) силе при этом состоит в способности преодолевать различия между теми, кто распространяет ценности, и теми, кто их воспринимает, ликвидировать эту границу. В конечном счёте предполагалось, что реципиенты предлагаемых норм станут равными ЕС и сами получат право на распространение нормативной силы, а также на интерпретацию базовых ценностей и их переосмысление в контексте развития [Павлова, Романова 2017].

Как категория стрессоустойчивости соотносится с прежними концепциями? Прежде всего, как и представления о гражданской и нормативной силе, она выступила точкой сборки интеграционных процессов внутри ЕС и в его международной деятельности. Она позволила анализировать различные угрозы, объединять внутреннее и внешнее измерение безопасности, гарантировать устойчивость и развитие в ситуации непредсказуемости. Не случайно ГСЕС довольно подробно говорила о стрессоустойчивости самой группировки и в первую очередь её демократии перед лицом таких угроз, как нестабильное энергетиче-

[25] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union. Brussels, June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf

ское снабжение, кибервызовы, терроризм, стратегическая коммуникация недружественных субъектов (под которыми понимается дезинформация со стороны третьих стран и её воздействие на граждан ЕС). Однако стратегия также была нацелена на повышение стрессоустойчивости государств–кандидатов на вступление в интеграционное объединение, его соседей, а также соседей этих соседей, то есть более удалённых партнёров. Стрессоустойчивость демократии здесь становилась той «нормальностью» (используя терминологию И. Маннерса), к которой и должны стремиться все государства в мире.

Между тем на этом сходства между нынешней базовой категорией внешней деятельности ЕС и представлениями о гражданской и нормативной силе заканчиваются. Документы объединения чётко демонстрируют, что стрессоустойчивость контекстуальна. В разных случаях используется одно и то же понятие, что, с одной стороны, придаёт видимость единообразия действиям, но с другой – задаёт широкое поле для интерпретаций. *Во-первых*, стрессоустойчивость должна быть адаптирована для конкретных рисков. В частности, в ЕС в большей степени акцентируется важность уже установившейся стрессоустойчивости демократии, тогда как в странах – непосредственных соседях в центре внимания экономические и социальные вопросы, которые приведут к правильному выбору внешнеполитической ориентации и к построению политической системы по примеру ЕС.

Во-вторых, стрессоустойчивость требует конкретных, «созданных для каждого случая» подходов[26]. Если риски и непосредственное преломление стрессоустойчивости различны, а последняя – лишь инструмент, а не цель, то нет возможности и преодолеть понятийный разрыв между Брюсселем и другими участниками взаимодействия. Концепция стрессоустойчивости, следовательно, возвращается к разделению между теми, кто поощряет, источает нормы, и теми, кто их воспринимает, то есть к разделению, характерному для утвердившегося понимания гражданской и мягкой силы [Най 2006; Павлова, Романова 2017].

Диалог также однонаправлен. ЕС постулирует свою готовность содействовать стрессоустойчивости партнёров, но не свою открытость для аналогичного воздействия с их стороны. Он также впервые чётко разделяет государства и общественные институты при распространении собственных норм и стандартов вовне[27], а важность контактов с последними резко возрастает. ГСЕС постоянно подчёркивала роль граждан и общества в целом. В этом контексте был органично интегрирован и развит опыт публичной дипломатии, накопленный Брюсселем в предыдущие годы. На своей же территории ЕС занимает более оборонительную позицию.

Отмеченная непоследовательность особенно проявляется в отношении уже упомянутой стратегической коммуникации. Вместо того чтобы давать своим гражданам возможность самостоятельного анализа получаемых сведений, свободного выбора (как предполагала бы концепция стрессоустойчивости в её академической трактовке или практике Великобритании или Швеции), интеграционное объединение ставит вопрос об ограничении в некоторых случаях свободы циркуляции информации (в том числе деятельности российских СМИ), о защите граждан от искажённых фактов и их интерпретаций, проистекающих извне. Реализация подобного подхода воплощается на национальном уровне, государствами–членами ЕС, наиболее критически настроенными в отношении России. ГСЕС закрепляла идейные пред-

[26] Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action. European Commission and European External Action Service. Brussels, 7 June 2017. JOIN(2017) 21 final. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf

[27] Ibid.

посылки для проведения такой политики. Оборонительный характер новой концепции также отличал категорию стрессоустойчивости от представлений о нормативной силе начала XXI в.

Концепция стрессоустойчивости, отмечающая различия рисков, также фиксирует возможность восприятия одних и тех же явлений как нормальных в одних случаях и недопустимых – в других. Согласно ГСЕС, «ЕС будет поощрять права человека через диалог и поддержку, включая наиболее сложные вопросы ... следовать подходам к реформам правосудия, безопасности и обороны, ориентированным на права, которые локально поддерживаются, а также помогать слабым государствам в выстраивании потенциала, в том числе в киберсфере»[28]. Иными словами, «прагматизм бросает вызов универсальности ценностей, создаёт двойные стандарты и оставляет ЕС открытым для обвинений в двуличности» [Juncos 2016: 15]. Последнее демонстрирует серьёзный отход от концепций гражданской и нормативной силы, в которых ключевым элементом оставались единая линия восприятия либеральных ценностей.

Наконец, вызывает интерес диалектика «стабильность – изменения». Стрессоустойчивость может подразумевать как стабильность, способность сохранять исходные характеристики системы, так и изменения, адаптацию, эволюцию. Брюссель постоянно подчёркивал в ГСЕС важность трансформации, однако внимательный анализ показывает, что она предполагалась только в отношении его партнёров. Само же интеграционное объединение де-факто постулировало, что оно пришло к концу истории, а ключевая цель – сохранять достигнутое. Это также коренным образом отличает концепцию стрессоустойчивости от представлений о нормативной силе, использовавшихся ранее. Последняя подразумевала дальнейшее развитие в процессе переосмысления ценностей. В этом отношении стрессоустойчивость также сближается с логикой понимания гражданской (мягкой) силы.

* * *

Проведённый анализ фиксирует сходства и различия концепций, формировавших идейную базу внешней деятельности ЕС в различные периоды времени: гражданской (мягкой) и нормативной силы, а также стрессоустойчивости. Их сравнение продемонстрировало три различия. Концепция стрессоустойчивости оказалась востребована Брюсселем в эпоху многочисленных кризисов, тогда как представления о гражданской и нормативной силе возникли в период упрочения позиций Европейского экономического сообщества (позднее ЕС). Две более ранние концепции формулировались специально для объединения, а новая категория была заимствована у международных организаций и из политики обеспечения безопасности в англосаксонских странах. Специфика понятийного импорта с последующей дискурсивной трансформацией обусловили необходимость специального разъяснения стрессоустойчивости в документах ЕС. Наконец, новая категория прочно вошла в официальный дискурс Брюсселя, тогда как концепции гражданской, мягкой и нормативной силы употреблялись, главным образом, экспертами для теоретизации внешней деятельности интеграционного объединения.

В риторике и практике ЕС стрессоустойчивость увязана с «прагматизмом, основанным на принципах» как попытка примирить сохранение нормативной ориентации его политики и реального положения дел в мире («снять розовые очки» [Tocci 2017: 64]). Брюссель, с одной стороны, объявил ценности своими интересами, а с другой – поиному, чем ранее международные организации, интерпретировал используемое понятие, включив в него стандарты демократии, а также подробно описав различные риски. По сути стрессоустойчивость можно класси-

[28] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union. Brussels, June 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf

фицировать как обороняющуюся нормативную силу. Ключевым в её эволюции становится изменение инструментов распространения ценностей. Предполагается бóльшая ответственность партнёров ЕС, бóльшая технократизация, а также сдвиг от диалога о демократии и правах человека с государствами к поддержке стрессоустойчивости их граждан и обществ, которые в долгосрочной перспективе будут дисциплинировать свои правительства.

Наконец, новая категория по аналогии с концепциями гражданской и нормативной силы используется как точка сборки внутренних процессов в ЕС и его внешней деятельности. Несмотря на то что стрессоустойчивость демократии становится той «нормальностью», к которой надо стремиться, преодоление разрыва между агентами и реципиентами норм не предполагается. Страны-партнёры не рассматриваются как будущие распространители норм и их интерпретаторы. Стрессоустойчивость контекстуальна, что создаёт возможности двойных стандартов при трактовке ценностей, а процесс распространения норм в соответствии с ней имеет однонаправленный характер. Само же интеграционное объединение, согласно ГСЕС, должно лишь сохранять свои достижения, переосмысление норм не предполагается. В этом смысле переход к концепции стрессоустойчивости возвращает Брюссель к логике гражданской (мягкой) силы.

Потенциальные практические последствия внедрения новой стратегии, в центре которой стрессоустойчивость, региональные преломления обновлённого долгосрочного видения, в том числе в отношениях с Россией, ещё предстоит исследовать. Параметры финансирования ЕС, которые могут быть пересмотрены официальными лицами только с 2021 года (когда вступит в силу новая бюджетная перспектива), дают для этого некоторый временной лаг. Происходит дальнейшее осмысление стрессоустойчивости в различных институтах объединения. В то же время некоторые предположения можно сделать уже сейчас. С одной стороны, концепция стрессоустойчивости позволит ЕС примириться с неспособностью реализовывать в полной мере свои цели по продвижению демократии, прав человека и верховенства закона, оправдать прагматизм своей деятельности. С другой – многие особенности политики Брюсселя, которые ассоциировались с понятиями гражданской (мягкой) и нормативной силы, сохранятся. В первую очередь нельзя ожидать исчезновения из повестки объединения ценностной проблематики, но можно предполагать меньшую амбициозность как заявлений, так и используемых инструментов ЕС в этом вопросе.

Список литературы

Данилов Д.А. Новая «восточная политика» ЕС: ценности или интересы // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2006. № 19. С. 4–6.

Данилов Д.А. Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор // Современная Европа. 2017. № 1. С. 10–21.

Игумнова Л. Образ нормативной силы Евросоюза в заявлениях Европейской внешнеполитической службы // Современная Европа. 2017. № 6. С. 81–93.

Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 224 с.

Павлова Е., Романова Т. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС // Полис. 2017. №1. С. 162–176.

Романова Т. Категория “стрессоустойчивость” в Европейском союзе // Современная Европа. 2017. № 4. С. 17–28.

Романова Т., Павлова Е. Россия и страны Евросоюза: Партнёрство для модернизации // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 8. С. 54–61.

Шмелёв Н.П., Фёдоров В.П. Евросоюз – Россия: мера сотрудничества. М.: Институт Европы РАН; Русский сувенир, 2012. 55 с.

After the EU global strategy – Building resilience / ed. by F. Gaub, N. Popescu. Paris: ISS, 2017. 97 p.

Aggestam L. Introduction: ethical power Europe?’ // International Affairs. 2008. Vol. 84. No 1. P. 1–11.

Balducci G. The Limits of Normative Power Europe in Asia: The Case of Human Rights in China // East Asia. 2010. Vol. 27. No. 1. P. 35–55.

Bicchi F. Our size fits all': normative power. Europe and the Mediterranean // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13. No. 2. P. 286–303.
Bourbeau P. A Genealogy of Resilience // International Political Sociology. 2018. Vol. 12. No 1. P. 19–35.
Brand F.S., Jax K. Synthesis. Focusing the Meaning(s) of Resilience: Resilience as a Descriptive Concept and a Boundary Object // Ecology and Society. 2007. Vol. 12. No. 1. Article. 23. URL: http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art23/
Bull H. Civilian Power Europe: A Contradiction in Terms? // The European Community: Past, Present and Future / ed. by L. Tsoukalis. Oxford: Blackwell, 1983. P. 150–157.
Casier T. The EU–Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument // Europe-Asia Studies. 2013. Vol. 65. No. 7. P. 1377–1395.
Chandler D. International State-building and the Ideology of Resilience // Politics. 2013. Vol. 33. No. 4. P. 276–286.
De Zutter E. Normative power spotting: an ontological and methodological appraisal // Journal of European Public Policy. 2010. Vol. 17. No. 8. P. 1106–1127.
Diez T. Normative Power as Hegemony // Cooperation and Conflict. 2013. Vol. 48. No. 2. P. 194–210.
Duchêne F. Europe's Role in World Peace // Europe Tomorrow: Sixteen Europeans Look Ahead / ed. by R. Mayne. London: Fontana, 1972. P. 32–47.
Duchêne F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence // A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community / ed. by M. Kohnstamm, W. Hager. London: Macmillan, 1973. P. 1–21.
Galtung J. The European Community: A Superpower in the Making. London, George Allen & Unwin, 1973. 194 p.
Harnisch S., Maull H.W. Germany as a Civilian power. The foreign policy of the Berlin Republic. Manchester: Manchester University Press, 2001. 192 p.
Harpaz G., Shamis A. Normative Power Europe and the State of Israel: An Illegitimate EUtopia? // Journal of Common Market Studies. 2010. Vol. 48. No. 3. P. 579–616.
Haukkala H. The European Union as a Regional Normative Hegemon: The Case of European Neighbourhood Policy // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. No. 9. P. 1601–1622.
Haukkala H. The Role of norms and values in European Union's Russia Policy // Russian and Europe in the Twenty-first Century: An Uneasy Partnership / ed. by J. Gower, G. Timmins. London, New York, Delhi: Anthem Press, 2007. P. 133–148.
Hill C. Cheques and Balances: The European Union's Soft Power Strategy // Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives / ed. by I. Parmar, M. Cox. London: Routledge, 2010. P. 182–199.
Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. 1973. Vol. 4. No. 1. P. 1–23.
Hyde-Price A. 'Normative' power Europe: a realist critique // Journal of European Public Policy. 2006. Vol.13. No. 2. P. 217–234.
Joseph J. Governing through Failure and Denial: The New Resilience Agenda // Millenium. Journal of International Studies. 2016. Vol. 44. No. 3. P. 370–390.
Joseph J. Resilience as embedded neoliberalism: a governmentality approach // Resilience. 2013. Vol.1. No. 1. P. 38–52.
Joseph J., Juncos A. Resilience as an emergent European project? The EU's place in the resilience turn. A paper, presented at the UACES Annual Conference. Krakow, 6 September 2017.
Juncos A.E. Resilience as the new EU foreign policy paradigm: a pragmatist turn? // European Security. 2016. Vol. 26. No. 1. P. 1-18. DOI: 10.1080/09662839.2016.1247809.
Laidi Z. The Unintended Consequences of European Power // Cahier europeen. 2007. No. 5. P. 1–24.
Langan M. Normative Power Europe and the Moral Economy of Africa–EU Ties: A Conceptual Reorientation of 'Normative Power' // New Political Economy. 2012. Vol. 17. No. 3. P. 243–270.
Leonard M., Popescu N. A Power Audit of EU–Russia Relations. ECFR Policy Paper. London: 2007. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR-02_A_POWER_AUDIT_OF_EU-RUSSIA_RELATIONS.pdf
Malksoo M. From the ESS to the EU Global Strategy: external policy, internal purpose // Contemporary Security Policy. 2016. Vol. 37. No. 3. P. 374–388.
Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 235–258.
Matlary J. H. When Soft Power Turns Hard: Is an EU Strategic Culture Possible? // Security Dialogue. 2006. Vol. 37. No. 1. P. 105–121.
Maull H.W. Germany and Japan: The New Civilian Powers // Foreign Affairs. 1990–1991. Vol. 69. No. 5. P. 91–106.
Merlingen, M. Everything is Dangerous: A Critique of Normative Power Europe // Security Dialogue. 2007. Vol. 38. No. 4. P. 435–453.
Michalski A. The EU as a soft power: the force of persuasion // The New Public Diplomacy: Soft Power

in International Relations / ed. by J. Melissen. New York: Palgrave Macmillan, 2005. P. 124–144.
Nielsen K.L. EU Soft Power and the Capability-Expectations Gap // Journal of Contemporary European Research. 2013. Vol. 9. No. 5. P. 723–739.
Nielsen K.L., Vilson M. The Eastern Partnership: Soft Power Strategy or Policy Failure? // European Foreign Affairs Review. 2014. Vol. 19. No. 2. P. 243–262.
Normative Power Europe. Empirical and Theoretical Perspectives / ed. by R.G. Whitman. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 312 p.
Orbie J. Civilian Power Europe Review of the Original and Current Debates // Cooperation and Conflict. 2006. Vol. 41. No. 1. P. 123–128.
Rogers P. The etymology and genealogy of a contested concept // The Routledge Handbook of International Resilience / ed. by D. Chandler, J. Coaffee. London: Routledge, 2017. P. 13–25.
Rostoks T. Forms of Russian and EU power in the "New Eastern Europe" // The Different Faces of "Soft Power": The Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU / ed. by T. Rostoks, A. Sprūds. Riga: LIIA, 2015. P. 8–29.
Schuette R. E.U.–Russia Relations: Interests and Values. A European Perspective. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. Working Paper. No 54. December 2004. 31 p.
Sjursen H. The EU as a 'normative' power: how can this be? // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13. No. 2. P. 235–251.
Snyder J., Vinjamuri L. Principled pragmatism and the logic of consequences // International Theory. 2012. Vol. 4. No. 3. P. 434–448.
Telò M. Europe – A Civilian Power. European Union, Global Governance, World Order. Basingstoke, N.Y.: Macmillan, 2007. 292 p.
The Routledge Handbook of International Resilience / ed. by D. Chandler, J. Coaffee. London: Routledge, 2017. 402 p.
Tocci N. Framing the EU Global Strategy. A Stronger Europe in a Fragile World. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 168 p.
Tulmets E. Can the discourse on "soft power" help the EU to bridge its capability-expectations gap? // European Political Economy Review. 2007. No. 7. P. 195–226.
Wagner W., Anholt R. Resilience as the EU Global Strategy's new leitmotif: pragmatic, problematic or promising? // Contemporary Security Policy. 2016. Vol. 37. No. 3. P. 414–430.

FROM CIVILIAN AND NORMATIVE POWER TO RESILIENCE

IDEATIONAL FOUNDATIONS OF THE EU'S EXTERNAL POLICY

TATIANA ROMANOVA
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg 191060, Russia

ELENA PAVLOVA
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg 191060, Russia
Tartu University, Tartu, Estonia

Abstract

The 2016 EU's Global Strategy introduced the concept of resilience. The goal of this article is to identify continuity and change between resilience, on the one hand, and civilian (soft) power and normative power (two concepts that previously formed the ideational basis of the EU's foreign relations), on the other hand. Three aspects are compared: historical context of how three concepts developed; the role of values and interests; and correlation between internal and external for the EU's processes in the articulation and

realisation of the concepts. Historical aspects demonstrate three differences. The concepts of civilian power and normative power emerged as a result of the analysis of the EEC / EU's activities at the peak of their developments; they have mostly been used in the academia and did not require any official explanation. Resilience was borrowed from the international practice at the time when the EU faced various crises. However, the EU substantially transformed this concept, which required official explanations. The EU has made an effort to reconcile values, formulated earlier, with interests of today. The notion of principled pragmatism and values defined as interests have been used accordingly. The EU also pays attention to risks (as oppose to the resources of resilience and relevant governance techniques). The instruments to promote values have also undergone transformation: the EU puts greater responsibility on its partners, the process of values' promotion became more technocratic whereas the EU prioritises dialogues with civil societies of third countries. Therefore, we suggest defining the EU's resilience as defensive normative power. Finally, resilience, like civilian power and normative power before, is used to bridge the EU's internal developments with its external activities. However, the EU's resilience is context-based. Norms are promoted unilaterally, the inclusion of partners into the core is not foreseen. The EU expects transformation on the part of its partners but stabilisation and protection of what has been achieved for itself (rather than further reassessment and development of norms). This interpretation of resilience contradicts the notion of the normative power but allows for parallels between resilience and civilian (soft) power.

Keywords:

normative power; civilian power; resilience; European Union; EU Global Strategy.

References

Aggestam L. (2008). Introduction: ethical power Europe? // *International Affairs*. Vol. 84. No. 1. P. 1–11.

Balducci G. (2010). The Limits of Normative Power Europe in Asia: The Case of Human Rights in China. *East Asia*. Vol. 27. No. 1. P. 35–55.

Bicchi F. (2006). Our size fits all': normative power. Europe and the Mediterranean // *Journal of European Public Policy*. Vol. 13. No. 2. P. 286–303.

Bourbeau P. (2018). A Genealogy of Resilience // *International Political Sociology*. Vol. 12. No. 1. P. 19–35.

Brand F.S., Jax K. (2007). Synthesis. Focusing the Meaning(s) of Resilience: Resilience as a Descriptive Concept and a Boundary Object // *Ecology and Society*. Vol. 12. No. 1. Article. 23. URL: http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art23/

Bull H. (1983). Civilian Power Europe: A Contradiction in Terms? In: L. Tsoukalis (ed.) *The European Community: Past, Present and Future*. Oxford. Blackwell. P. 150–157.

Casier T. (2013). The EU–Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument // *Europe-Asia Studies*. Vol. 65. No. 7. P. 1377–1395.

Chandler D. (2013). International State-building and the Ideology of Resilience // *Politics*. Vol. 33. No. 4. P. 276–286.

Chandler D., Coaffee J. (eds) (2017). *The Routledge Handbook of International Resilience*. London: Routledge. 402 p.

Danilov D.A. (2006). Novaya 'vostochnaya politika' ES: tsennosti ili interesy [New EU's Eastern Policy: Values and Interests] // *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*. No. 19. P. 4–6.

Danilov D.A. (2017). Globalnaya strategiya ES: vostochnyj vector [The EU Global Strategy: Eastern Vector] // *Sovremennaya Evropa*. No. 1. P. 10–21.

De Zutter E. (2010). Normative power spotting: an ontological and methodological appraisal // *Journal of European Public Policy*. Vol. 17. No. 8. P. 1106–1127.

Diez T. (2013). Normative Power as Hegemony // *Cooperation and Conflict*. Vol. 48. No. 2. P. 194–210.

Duchêne F. (1972). Europe's Role in World Peace. In: R. Mayne (ed.) *Europe Tomorrow: Sixteen Europeans Look Ahead*. London: Fontana. P. 32–47.

Duchêne F. (1973). The European Community and the Uncertainties of Interdependence. In M. Kohnstamm, W. Hager (eds) *A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community*. London: Macmillan. P. 1–21.

Galtung J. (1973). *The European Community: A Superpower in the Making*. London, George Allen & Unwin. 194 p.

Gaub F., Popescu N. (eds) (2017). *After the EU global strategy – Building resilience*. Paris: ISS. 97 p.

Harnisch S., Maull H.W. (2001). *Germany as a Civilian power. The foreign policy of the Berlin Republic*. Manchester: Manchester University Press. 192 p.

Harpaz G., Shamis A. (2010). Normative Power Europe and the State of Israel: An Illegitimate EUtopia? // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 48. No. 3. P. 579–616.
Haukkala H. (2007). The Role of norms and values in European Union's Russia Policy. In J. Gower, G. Timmins (eds) *Russian and Europe in the Twenty-first Century: An Uneasy Partnership*. London, N.Y., Delhi: Anthem Press. P. 133–148.
Haukkala H. (2008). The European Union as a Regional Normative Hegemon: The Case of European Neighbourhood Policy // *Europe-Asia Studies*. Vol. 60. No. 9. P. 1601–1622.
Hill C. (2010). Cheques and Balances: The European Union's Soft Power Strategy. In Parmar I., Cox M. (eds) *Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. London: Routledge. P. 182–199.
Holling C.S. (1973). Resilience and Stability of Ecological Systems // *Annual Review of Ecology and Systematics*. Vol. 4. No. 1. P. 1–23.
Hyde-Price A. (2006). 'Normative' power Europe: a realist critique // *Journal of European Public Policy*. Vol. 13. No. 2. P. 217–234.
Igumnova, L. (2017). Obraz normativnoi sily Evrosouza v zayavleniyah Evropeiskoi vneshnepoliticheskoi sluzhby [The EU Image of Normative Power in Statements of the European Foreign Policy Service] // *Sovremennaya Evropa*. No. 6. P. 81–93.
Joseph J. (2013). Resilience as embedded neoliberalism: a governmentality approach // *Resilience*. Vol.1. No. 1. P. 38–52.
Joseph J. (2016). Governing through Failure and Denial: The New Resilience Agenda // *Millenium. Journal of International Studies*. Vol. 44. No. 3. P. 370–390.
Joseph J., Juncos A. (2017). *Resilience as an emergent European project? The EU's place in the resilience turn*. A paper presented at the UACES Annual Conference. Krakow.
Juncos A.E. (2016). Resilience as the new EU foreign policy paradigm: a pragmatist turn? // *European Security*. Vol. 26. No. 1. P. 1–18. DOI: 10.1080/09662839.2016.1247809.
Laidi Z. (2007). The Unintended Consequences of European Power // *Cahier europeen*. No. 5. P. 1–24.
Langan M. (2012). Normative Power Europe and the Moral Economy of Africa–EU Ties: A Conceptual Reorientation of 'Normative Power' // *New Political Economy*. Vol. 17. No. 3. P. 243–270.
Leonard M., Popescu N. (2007). *A Power Audit of EU–Russia Relations*. ECFR Policy Paper. London: 2007. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR-02_A_POWER_AUDIT_OF_EU-RUSSIA_RELATIONS.pdf
Malksoo M. (2016). From the ESS to the EU Global Strategy: external policy, internal purpose // *Contemporary Security Policy*. Vol. 37. No. 3. P. 374–388.
Manners I. (2002). Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40. No. 2. P. 235–258.
Matlary J.H. (2006). When Soft Power Turns Hard: Is an EU Strategic Culture Possible? // *Security Dialogue*. Vol. 37. No. 1. P. 105–121.
Maull H.W. (1990–1991). Germany and Japan: The New Civilian Powers // *Foreign Affairs*. Vol. 69. No. 5. P. 91–106.
Merlingen M. (2007). Everything is Dangerous: A Critique of Normative Power Europe // *Security Dialogue*. Vol. 38. No 4. P. 435–453.
Michalski A. (2005). The EU as a soft power: the force of persuasion. In Melissen, J. ed. *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. N.Y.: Palgrave Macmillan. P. 124–144.
Nielsen K.L. (2013). EU Soft Power and the Capability-Expectations Gap // *Journal of Contemporary European Research*. Vol. 9. No. 5. P. 723–739.
Nielsen K.L., Vilson M. (2014). The Eastern Partnership: Soft Power Strategy or Policy Failure? // *European Foreign Affairs Review*. Vol. 19. No. 2. P. 243–262.
Nye J. (2006). *Gibkaya vlast'. Kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike* [Soft Power: The Means to Success in World Politics]. Moscow. 224 p.
Orbie J. (2006). Civilian Power Europe Review of the Original and Current Debates // *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*. Vol. 41. No. 1. P. 123–128.
Pavlova E., Romanova T. (2017). Normativnaya sila: teoriya i sovremennaya praktika Rossii i ES [Normative Power: Some Theory Aspects and Contemporary Practice of Russia and EU] // *Polis*. No. 1. P. 162–176.
Rogers P. (2017). The etymology and genealogy of a contested concept. In Chandler D., Coaffee J. eds. *The Routledge Handbook of International Resilience*. London: Routledge. P. 13–25.
Romanova T. (2017). Kategoriya "stressoustoichivost'" v Evropejskom souze [Category «resilience» in the European Union] // *Sovremennaya Evropa*. No. 4. P. 17–28.
Romanova T., Pavlova E. (2013). Rossiya i strany Evrosouza: Partnerstvo dlya modernisatsii [Russia and EU Member States: the Partnership for Modernisation] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. P. 54–61.

Rostoks T. (2015). Forms of Russian and EU power in the "New Eastern Europe". In Rostoks T., Sprūds A. eds. *The Different Faces of "Soft Power": The Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU.* Riga: LIIA. P. 8–29.

Shmelev N.P., Fedorov V.P. (2012). *Evrozouz – Rossiya: mera sotrudnichestva* [EU-Russia: a measure of cooperation]. Moscow: Institut Evropy RAN, Russkij souvenir. 55 p.

Schuette R. (2004). *E.U.–Russia Relations: Interests and Values. A European Perspective*. No 54. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. Working Paper. 31 p.

Sjursen H. (2006). The EU as a 'normative' power: how can this be? // *Journal of European Public Policy.* Vol. 13. No. 2. P. 235–251.

Snyder J., Vinjamuri L. 2012. Principled pragmatism and the logic of consequences // *International theory.* Vol. 4. No. 3. P. 434–448.

Telò M. (2007). *Europe – A Civilian Power. European Union, Global Governance, World Order*. Basingstoke, N.Y.: Macmillan. 292 p.

Tocci N. (2017). *Framing the EU Global Strategy. A Stronger Europe in a Fragile World.* Cham: Palgrave Macmillan. 168 p.

Tulmets E. (2007). Can the discourse on "soft power" help the EU to bridge its capability-expectations gap? // *European Political Economy Review*. No. 7. P. 195–226.

Wagner W., Anholt R. (2016). Resilience as the EU Global Strategy's new leitmotif: pragmatic, problematic or promising? // *Contemporary Security Policy*. Vol. 37. No. 3. P. 414–430.

Whitman R.G. (ed.) (2011). *Normative Power Europe. Empirical and Theoretical Perspectives.* Basingstoke: Palgrave Macmillan. 312 p.